

мимо личного опыта Бласко Ибаньеса, подтверждаются и другими источниками; они, например, изложены в современном исследовании «Русская Ницца».²⁷

Разумеется, «русская тема» не являлась ключевой в творчестве Висенте Бласко Ибаньеса, но на материале двух его романов и двух новелл можно отметить устойчивый интерес к русским эмигрантам, революционерам, к политике до и после революции. Испанский писатель позволяет русским персонажам говорить авторским голосом и даже давать названия его произведениям.²⁸

²⁷ Нечаев С. Ю. Русская Ницца. М., 2010.

²⁸ Как было показано выше, вынесенные на обложку слова «Четыре всадника апокалипсиса», «Пожирательница» и «Призрак с золотыми крыльями» впервые произносят именно русские персонажи.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-225-239

© А. А. Кобринский

ВРАЧИ В ОКРУЖЕНИИ ДАНИИЛА ХАРМСА: ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ЕГО ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ*

В настоящее время жанр «Из именного указателя к записным книжкам» обрел вторую жизнь — во многом благодаря появлению комментаторских работ Р. Д. Тименчика, посвященных записным книжкам А. А. Ахматовой.¹ Этот жанр не просто позволяет более широко вписать объект комментария в свою эпоху со всеми деталями и оттенками, но и саму эту эпоху представить гораздо объемнее и насыщеннее. Такой подход дает возможность семантизировать ранее не замеченные намеки, обнаружить скрытые цитаты и аллюзии, а главное — приблизиться к решению важнейшей (конечно, до конца не разрешимой) задаче: учесть весь объем информации, которая была

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01583, <https://rscf.ru/project/24-28-01583>, Петербургский институт иудаики.

¹ Приведем только несколько примеров из десятков имеющихся: Тименчик Р. Д. 1) Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. In Honor of Stefano Garzonio / Ed. by G. Carpi, L. Fleishman and B. Sulpasso. Stanford, 2012. P. 324–352 (Stanford Slavic Studies. Vol. 40); 2) Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2018. Vol. 6. S. 217–235; 3) Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Slavica Revalensia. 2018. № 5. С. 256–312; 4) Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Г. Ягода // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 355–364; 5) Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой: к немецкой речи // Там же. 2021. № 3 (21). С. 326–351; 6) Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. Цех поэтов // Летняя школа по русской литературе. 2022. Т. 18. № 2. С. 157–206; 7) Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Георгий Адамович // Там же. 2023. Т. 19. № 3–4. С. 346–393. Жанр получил признание и развитие — ср., например: Зименков А. П. Проблемы комментирования имен в записной книжке Маяковского № 18 // Новые российские гуманитарные исследования. 2022. Т. 17. Материалы 5-й научно-практич. конф. «Поэтика и текстология записных книжек В. В. Маяковского» (ИМЛИ РАН, 12 апреля 2022 г.) (<https://arxiv.nrgumis.ru/articles/2200/>; дата обращения: 25.04.2025). Некоторые аналогичные публикации были сделаны и нами о записных книжках Хармса: Кобринский А. А. 1) Хармс — кинозритель. Из реального комментария к записным книжкам // Летняя школа по русской литературе. 2019. Т. 15. № 2–3. С. 299–311; 2) Мастер Петр: несколько штрихов к биографическим мифам Даниила Хармса // Русская литература. 2020. № 3. С. 217–231; 3) Маяковский и прочие. Круг контактов и общения Даниила Хармса во второй половине 1920-х годов // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 1–2. С. 188–204; 4) Комментируя Хармса // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 335–353.

доступна и актуальна для автора, чьи записные книжки комментируются. Результатом становится существенная переоценка ранних поверхностных взглядов и иерархических структур, моделировавшихся при первичном осмыслении материала. Как справедливо писал сам комментатор, «предварительные, читательские и житейские представления о присущей Ахматовой шкале ценностей и приоритетов внимания опровергаются при углубленном погружении в череду ее поденных записей».²

Благодаря записным книжкам Хармса мы можем постепенно уточнить круг общения писателя, а следовательно, и сферу его интересов. При этом, конечно, особенно важно установить характер этого общения: идет ли речь о дружеских, деловых, родственных связях или же перед нами — персонаж из разряда так называемых естественных мыслителей («естественных мудрецов»), странных людей с необычным типом мышления (от городских сумасшедших до простых чудаков), которых Хармс фактически «коллекционировал», поддерживая с ними тесные контакты и демонстрируя их друзьям и знакомым.

Отношение Хармса к врачам, которые его лечили и входили в круг его знакомств, представляется особенно важным, так как это может являться ключом к более общей проблеме отношения писателя к традиционной и нетрадиционной медицине, к осмыслению сюжетных функций и характеристик персонажей-врачей в его произведениях, а также к более точному пониманию проекции его личных медицинских проблем и способов их проекции на литературные тексты.

Друживший с Хармсом в конце 1930-х годов искусствовед и писатель Вс. Н. Петров так вспоминал о «естественных мыслителях»: «Их всех отличали высоко ценимые Хармсом черты — независимость мнений, способность к непредвзятым суждениям, свобода от косных традиций, некоторый алогизм в стиле мышления и иногда творческая сила, неожиданно пробужденная психической болезнью. Все это были люди с сумасшедшинкой; люди той же категории, из которой выходят самостоятельные художники примитивисты (Naive Kunst), нередко превосходные, или просто народные философы-мистики, нередко весьма примечательные. В ежедневном общении они обычно бывают трудны и далеко не всегда приятны. Даниил Иванович приводил их к себе и общился с ними удивительно серьезно и деликатно.

Я думаю, что его привлекал в первую очередь его алогизм или, вернее, особенная, чуть сдвинутая логика, в которой он чувствовал какое-то родство с тайной логикой искусства. Он рассказывал мне, что в двадцатых годах, в пору бури и натиска движения обэриутов, всерьез проектировал „Вечер естественных мыслителей“ в Доме Печати. Они бы там излагали свои теории».³

Вопрос о «естественных мыслителях» и их роли в жизни Хармса немаловажен. Несмотря на то, что он не является предметом рассмотрения в данной статье, следует

² *Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // *Русские поэты XX века: Материалы и исследования.* Анна Ахматова (1889–1966). М., 2021. С. 365.

³ *Петров Вс. Н.* Воспоминания о Хармсе // *Даниил Хармс глазами современников. Воспоминания. Дневники. Письма* / Под ред. А. Дмитренко и В. Сажина. СПб., 2019. С. 384–385. План «вечера естественных мыслителей» сохранился в записных книжках Хармса в составе вечера, очень напоминающего «Три левых часа», однако эта запись сделана между 8 и 13 марта 1930 года:

«I-ое отделение.

Вечер стихов Даниила Ивановича Хармса

II-ое отделение.

Вечер естественных мыслителей.

А. В. Туфанов, А. П. Эйсер, Е. П. Фогель, [Под] Нон-эм-ма <правильно — Нон-Эсма, под этим псевдонимом был известен Петр Николаевич Матвеев. — А. К.>,

К. К. Олимпов, А. А. Вашилов, В. Н. Цветков, Е. И. В., В. Я. Л.

III-ие отделение.

Диспут» (*Хармс Д. И.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. / Сост. В. Сажина и Ж.-Ф. Жаккара; прим. В. Сажина. СПб., 2002. Кн. 1. С. 358 (ЗК № 18. Л. 18); далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера книги и страницы; для записных книжек указывается также номер книжки и лист; ссылки на комментарии к записным книжкам даются также по этому изданию.

отметить, что Петров несколько упрощает вопрос. Помимо людей, действительно не совсем здоровых психически, пресловутых «городских сумасшедших», Хармс периодически записывал в эту категорию (возможно, и несколько саркастически) также своих хороших знакомых, обладавших явно нестандартным мышлением. Так, в разное время он включал туда Я. С. Друскина (ЗК № 20. Л. 15. Кн. 1. С. 375), А. В. Туфанова (ЗК № 18. Л. 18. Кн. 1. С. 358), Е. И. Вигилянского (ЗК № 18. Л. 18. Кн. 1. С. 358), которых, разумеется, к «людям с сумасшедшинкой» никто никогда не причислял.

К такого рода «естественным мыслителям» традиционно причисляется и «доктор Шапо», регулярно упоминающийся в записных книжках и дневниках Хармса как врач и собеседник, а также его постоянный гость. Известно о нем довольно мало. В. Н. Сажин называет его «общим домашним врачом» Хармса и А. Порет (Кн. 2. С. 396), явно ссылаясь на мемуары последней, до сих пор являющиеся главным источником информации об этом человеке: «Даниил Иванович бывал у нас почти ежедневно, поэтому я редко его навещала — только когда он болел. У нас был общий домашний врач доктор Шапо. Он был „не совсем в норме“, что сильно веселило нас и приводило в восхищение Хармса. „Самое важное — это диагноз, — рассказывал он всем, — важно определить болезнь (лечить может каждый)“. Шапо придумал гениальный способ.⁴ Под кровать больного он ставил тазик с водой и пускал туда половинки скорлупы грецкого ореха с маленькими зажженными свечками внутри. По краям таза были прикреплены бумажки с надписями: воспаление легких, ревматизм, хандра обыкновенная, чума, ангина и прочее. Если скорлупка останавливалась, да еще ко всему загоралась бумажка — значит, сомнений в диагнозе нет. Лечил этот врач, не уходя из квартиры, пока пациент не выздоравливал. Он питался в доме, спал на диванчике, выводил собак гулять, раскладывал пасьянсы и так замечательно ухаживал за больными, что очень было надежно и интересно болеть. Было одно неудобство — он любил пить и кофе, и водку, и чай, и вино и выпивал, что давали, в очень большом количестве. Сидел за столом часами и с кем попало разглагольствовал, иногда срываясь дать лекарство или поставить горчичник больному. Тут-то и обнаруживали под его стулом лужицу. Даниил Иванович специально для него держал швабру в особом дезрастворе. Других врачей он презирал и издевался над ними сколько мог».⁵

Воспоминания Порет меньше всего можно воспринимать как авторитетный источник. К ним во многом подходит характеристика, данная Н. А. Богомоловым «Петербургским зимам» Георгия Иванова: «Всех, кто будет читать эту книгу, рассчитывая получить хоть сколько-нибудь полное и верное представление о литературной и артистической жизни предреволюционного Петербурга, следует сразу же предупредить: не ждите от этой книги истины. Это ни в коем случае не мемуары, не воспоминания, рассчитанные на то, чтобы дать верную картину действительности. <...> Он (Г. Иванов. — А. К.) может перепутать, как звали Ключева, приписать ему невесть откуда взятые стихи, но сам образ его, возникающий на страницах „Петербургских зим“ (а в еще более беллетризованном виде — в романе «Третий Рим»), вызывал у людей, знавших литературную действительность описываемого автором времени, полное доверие».⁶

Порет превращает «доктора Шапо» в невольного участника «игры в монстров» — так она именует хармсовских «естественных мыслителей» — причем его роль она видит именно как «монстра». Но для Хармса это были вовсе не монстры. Он не просто общался с этими людьми и знакомил их со своими друзьями, это была важная часть

⁴ Нетрудно увидеть, что «гениальный способ» представляет собой несколько трансформированный вариант святочного гадания, при котором имена потенциальных избранников заменялись названиями болезней.

⁵ Порет А. И. Воспоминания о Данииле Хармсе // Даниил Хармс глазами современников. С. 357–358.

⁶ Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999. С. 149–150. Крайне негативное отношение к мемуарам Порет высказывали жена А. И. Шварца Н. Б. Шанько (Заметка Н. Б. Шанько о воспоминаниях А. И. Порет // Даниил Хармс глазами современников. С. 371–372) и Т. А. Липавская, называвшая их «одной мерзкой ложью» (Липавская Т. А. Из писем к Г. Б. Викторовой (1967–1982) // Даниил Хармс глазами современников. С. 458).

его жизни. Он учился у них умению видеть мир необычным, совершенно не таким, как привыкли его видеть окружающие. Порет же изображает неких психически больных людей, которых они с Хармсом и Глебовой якобы «коллекционировали» и демонстрировали друг другу.⁷

«Доктора Шапо» упоминает и Петров, который встречал его у Хармса, но, в отличие от Порет, никаких проявлений сумасшествия у него не увидел. Шапо показался ему скорее «милым чудачком, чем „мыслителем“».⁸

Сестра Хармса Е. И. Грицына вспоминала о Шапо так: «Этот человек появился, по-моему, через папу. Он ничего не окончил, разве что, может быть, какой-нибудь медицинский техникум — мог, например, поставить банки».⁹

Собственно, этот набор характеристик «доктора Шапо» — «не имевшего никакого медицинского образования»,¹⁰ но активно участвовавшего вместе с Хармсом в некоей системе, основанной на культивировании «медицинского шарлатанства», где специализированная медицинская наука подвергается либо деформации, либо деконструкции, либо прямому осуждению, — ложится, к примеру, в основу работы И. А. Кравчука, в которой рассматривается вопрос об отношении Хармса к медицине.¹¹ Рассказ Порет о том, как Хармс перед вызовом участкового врача, ранее рекомендовавшего ему свежий воздух, поставил под кровать ящик с капустными кочерыжками, создав в комнате ужасающее зловоние,¹² принимается Кравчуком без доли сомнения, как и красочная сцена угадывания диагноза по плывущим скорлупкам.¹³ На этом строится целая концепция восприятия Хармсом медицины и медицинского знания.

Для понимания сути любого мифотворчества перед тем, как пытаться выявить механизмы и приемы инверсирования реальности, необходимо эту реальность постараться максимально точно воссоздать, опираясь не на фантазии мемуаристов, а на документы. Это позволит точно определить, какие «доктора» окружали Хармса, что они представляли собой с точки зрения опыта и образования, а также как к ним относилось официальное врачебное сообщество.

То, что «доктор Шапо» — никакой не доктор и даже не Шапо, впервые было отмечено в указателе к сборнику «Даниил Хармс глазами современников»: в нем приводится правильное имя — Шапот Мейер Абрамович,¹⁴ а также его звание — провизор (диплом получен в 1907 году).¹⁵ Эти сведения, судя по всему, были получены из «Российского медицинского списка на 1914 год».¹⁶ Между тем архивы хранят о нем весьма существенные сведения.

Мейер Абрамович Шапот, иудейского вероисповедания, родился 8 мая 1871 года. В ноябре 1892 года он окончил Дерптский университет и получил удостоверение аптекарского помощника, а позже, в 1900 году, — соответствующий диплом.¹⁷

⁷ Порет А. И. Воспоминания о Данииле Хармсе. С. 365–366.

⁸ Петров В. С. Н. Воспоминания о Хармсе. С. 385.

⁹ Грицына Е. И. <Воспоминания> // Даниил Хармс глазами современников. С. 442.

¹⁰ Об этом также см.: Шубинский В. И. Жизнь человека на ветру. СПб., 2008. С. 299. Не менее характерен комментарий в этой книге: «Шапо „доктор“, „естественный мыслитель“, знаковый Хармса» (Там же. С. 552).

¹¹ Кравчук И. А. Диагностическая скорлупа: шарлатанство, магия и медицина в мировоззрении Д. И. Хармса // *Studia Religiosa Rossica*. 2023. № 1. С. 67–89.

¹² Порет А. И. Воспоминания о Данииле Хармсе. С. 358–359.

¹³ Кравчук И. А. Диагностическая скорлупа. С. 70–73. Ср. также его работу, связанную с проблемой тяги Хармса к дилетантизму в науке: Кравчук И. А. Д. И. Хармс против И. И. Мечникова: об одной пародийной «теории питания» // *Русская литература*. 2022. № 3. С. 49–62.

¹⁴ В целях единообразия далее в статье мы будем использовать вариант «Шапот», сохраняя «Шапо» в цитатах и в устойчивом выражении «доктор Шапо», которое употребляют Хармс, его знакомые и домашние.

¹⁵ Даниил Хармс глазами современников. С. 515.

¹⁶ Российский медицинский список, изданный управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1914 год: Списки врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек: по сведениям на 1 мая 1914 г. СПб., 1914. С. 285.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 255. Оп. 1. № 2602. Л. 2 об.

С 1895 года он начинает служить в аптеках. Первым местом его работы стала аптека Островского Карсавской волости Люцинского (Лудзенского) уезда, тогда входившего в Витебскую губернию, в настоящее время находящегося на территории Латвии. В 1897 году он переезжает в Псков, где устраивается помощником аптекаря в Ново-Псковской вольной аптеке. С 1901-го приступает к работе сначала в Дудергофе (нынешний район Красного Села Санкт-Петербурга), а затем и в самом Санкт-Петербурге. С 1902 года он сменил шесть петербургских аптек, не считая краткосрочной работы во время выезда в Гунгербург Эстляндской губернии.¹⁸ Одновременно в 1906–1907 годах он готовился к экзаменам на звание провизора в качестве слушателя медицинского факультета Императорского Юрьевского университета (с 1893 года город Дерпт снова стал Юрьевом).¹⁹ Наконец, определением факультета от 22 января 1907 года Мейер Абрамович Шапот был утвержден в звании провизора.²⁰

Что это значило и какое образование имел «доктор Шапо»?

«Правилами испытания врачей, фармацевтов, ветеринаров, dentистов и повивальных бабок», утвержденными в 1845 году и действовавшими вплоть до революции, были установлены три уровня специалиста в области фармацевтики. Первый — аптекарский помощник (было присвоено Шапоту по окончании университета). Несмотря на то, что звание было начальным, это уже было полноценное высшее образование. Полученное Шапотом в 1907 году звание провизора уже давало право владеть или управлять аптекой. На обе степени ему пришлось сдавать специальные экзамены. Выше оставалось только звание аптекаря (или магистра фармации), что требовало уже не только сдачи экзаменов, но и защиты диссертации.²¹

Немаловажным было и то, что образование на медицинском факультете Дерптского университета Шапот получал на немецком языке. Первые профессора, читающие по-русски, появились там только в 1891 году, за год до его выпуска из университета, и их было очень мало.

В 1910 году Шапот подает ходатайство во врачебное отделение Санкт-Петербургского губернского правления о разрешении на открытие собственной сельской аптеки на станции Оредеж Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги и 22 июня такое разрешение получает.²²

Судьба Шапота после революции известна гораздо хуже. С 1914 по март 1918 года он управляет знаменитой Невской аптекой А. Берггольца у Аничкова моста (Невский пр.,

Ил. 1. Мейер Абрамович Шапот. Фотография. ЦГИА СПб. Ф. 255. Оп. 1. № 2602. Л. 2.

¹⁸ Судя по «кондуитному списку» М. А. Шапота, он сменил за время своей работы аптекарским помощником и провизором более полутора десятков аптек — до и после революции (Там же. Л. 2 об. — 4).

¹⁹ См. об этом: ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 4. № 4642.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 212. Оп. 1. № 6447.

²¹ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 2. Царствование императора Николая I. 1825–1855. Отд. 2-е. 1840–1855. Стлб. 579–580.

²² Об аптеке Шапота см.: ЦГИА СПб. Ф. 255. Оп. 1. № 2602. Аптека существовала с 1910 по 1912 год, после чего провизор вернулся в Петербург.

д. 68). Затем — менее года работает на складе Центроснабжения и с апреля 1919 года — во 2-й Коммунальной аптеке.²³ С 1920 по 1923 год — на Мурманской железной дороге (видимо, также в аптеках). В книге «Весь Петроград на 1923 год» Мейер Абрамович Шапот указан как провизор (адрес: Саблинская ул., д. 8).²⁴ Невозможно не упомянуть чисто хармсовское умножение в справочниках «Весь Петроград» — «Весь Ленинград» как самого Мейера Шапота, так и его жены Анны Лазаревны Пильтиной-Шапот, зубного врача, до революции владевшей зубной лечебницей.²⁵ В справочниках 1924–1930 годов сам Шапот, например, мог «раздваиваться» как провизор Шапор и зубной врач Шапот (которым он никогда не был),²⁶ а его жена — как А. Л. Шапор, А. Л. Пильтин-Шапот, А. Л. Пильтина-Шапот, А. Л. Шапот — причем, соответственно, на разных страницах.²⁷

Последним известным нам местом работы М. А. Шапота был оптово-розничный склад Ленинградского объединения медицинских и аптечных предприятий (ул. Гоголя (Малая Морская), д. 11), которым он заведовал в 1926 году.²⁸

Как и где он познакомился с Хармсом, установить не удалось. В дневниках И. П. Ювачева он не упоминается, а значит, вопреки предположению Грицыной, маловероятно, что с Хармсом познакомил его отец.

Когда Порет в конце жизни писала свои воспоминания о Хармсе, ее фантазия была через край. В ее памяти действительно сохранилось большое количество вполне реальных и конкретных деталей благодаря романтическим отношениям с Хармсом, частым визитам к нему на Надеждинскую, постоянным контактам с общими знакомыми. Однако эти детали она обогащает совершенно невозможными, а подчас и нелепыми выдумками, которые опровергаются документами или ее современниками, а порой — и самим Хармсом в его дневниках. От начала и до конца выдуманы истории о подкладывании клопов Соллертинскому, о набивании сосульками карманов «профессора N» (И. А. Браудо) и тому подобные истории.²⁹ Как известно, Хармс очень любил рассказывать о себе и своих знакомых яркие, сюжетные, но исключительно выдуманные истории — и, скорее всего, Порет поставила себе вольной или невольной задачей полностью уничтожить границу между вымыслом и реальностью в своих воспоминаниях. Легко опровергаются и другие мелочи: к примеру, ни в одной из записных книжек Хармса нет никаких «плюсов» и «минусов», которые он ставил бы своим друзьям и знакомым, о чем она красочно рассказывает. Зато отец Хармса в своем дневнике называет Порет его «наложницей», которая «повадилась ходить к нему по ночам», и возмущается тем, что он ввел ее в число гостей Грицына (мужа сестры Хармса Елизаветы).³⁰

Примерно так же надо относиться к ее рассказам о «докторе Шапо», которые не подтверждаютс более ничем, а лишь опровергаются — как мемуарами, так и приведенными документами. Более того — исследователями осталось незамеченным, что еврейская фамилия Шапот, записанная латиницей, в доме Хармса была прочитана на французский манер как Шапо (что звучит одинаково с фр. chapeau — шляпа). Очевидно, такое переосмысление превращало его в некий аналог «Hatter'a», т. е. Шляпника

²³ В это время он уже проживает по адресу: Саблинская улица, д. 8/19, кв. 9. Его предыдущий адрес в Петербурге (Петрограде) также относился к Петербургской (Петроградской) стороне: Гатчинская улица, д. 33, кв. 19.

²⁴ Весь Петроград на 1923 год: Адресная и справочная книга г. Петрограда. [Пг., 1923]. С. 532.

²⁵ См.: ЦГИА СПб. Ф. 212. Оп. 4. № 42. Крайние даты — 1912–1913.

²⁶ См., например: Весь Ленинград на 1924 год: Адресная и справочная книга г. Ленинграда. [Л., 1924]. С. 297. Ошибочное наименование его зубным врачом продолжается в справочниках вплоть до 1930 года.

²⁷ См.: Весь Ленинград на 1925 год: Адресная и справочная книга г. Ленинграда. [Л., 1925]. С. 311, 441 и т. д.

²⁸ Весь Ленинград на 1927 год: Адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л., 1927. С. 93.

²⁹ См. об этом, например: Заметка Н. Б. Шанько о воспоминаниях А. И. Порет. С. 371–372.

³⁰ Ср. в воспоминаниях Порет: «...я никогда не видела никого из его домашних — он не показывал их своим друзьям» (Порет А. И. Воспоминания о Данииле Хармсе. С. 353).

из любимой Хармсом кэрролловской «Алисы». Возможно, это был намек на его некоторую чудаковатость и эксцентричность (Шляпник находится, по выражению Чеширского Кота, «не в своем уме»; ср. поговорку «безумен, как шляпник»). Но в любом случае трудно не узнать в рассказе Порет о том, как «доктор Шапо» постоянно пил чай, кофе, водку и т. п., вольную или невольную аллюзию на пресловутое «безумное чаепитие».³¹

«Других врачей он (Хармс. — А. К.) презирал, — пишет Порет, — и издевался над ними, сколько мог».³²

Это тоже является вымыслом. Игровое отношение Хармса к медицине определялось скорее творческим осмыслением и развитием персонажа Доктора (Дотторе) из комедии дель арте и русским его аналогом в балаганном театре (не случайно сравнение театра ОБЭРИУ с балаганом и отстаивание балагана как полноправного театра мы встречаем в манифесте ОБЭРИУ 1928 года³³). В комедии дель арте доктор довольно редко был именно врачом, как правило, он был доктором юриспруденции, но в русском балагане врач появлялся значительно чаще, как и комические сцены учения и лечения. Этих персонажей объединяло как раз то, чего не выносил Хармс и над чем он всегда издевался: невежественный педантизм, безоглядная вера в авторитеты, стремление скрыть свое невежество за «ученым» языком. Однако никем не подтвержденные (в том числе — записными книжками и дневниками самого Хармса) рассказы Порет об издевательствах Хармса над врачами представляются безусловными примерами жанра устной небылицы, которым писатель владел в совершенстве. Вот типичный пример:

«Он мне начал рассказывать, как его пригласили друзья и что было в лесу. <...>

— Подождите минуту, — я хочу все это изобразить. <...> Ну, рассказывайте.

И я нарисовала карандашом, ни разу не стирая, точной, филоновской линией охотников, зверей, деревья, пни и много ружей.

— Да, а кого же вы убили?

— Не помню, — поморщился Хармс, — одну беременную лань, одну птичку и, кажется, двух людей. Я ушел с этой бойни.

Стараясь не смеяться, я спросила: „А как вы были одеты?“ „Как всегда, но чтобы звери не приняли меня за охотника, я попросил у своей тетки длинную юбку“».³⁴

Механизм небылицы понятен: сначала определялись «граничные условия» (в данном случае они диктовались выдуманным сюжетом картины), а затем включалось бурное воображение. Игра предполагала рассказ о якобы реальных событиях, причем порождение абсурдирующих элементов должно было быть спонтанным, импульсивным и непрерывным. Слушатель ни на секунду не должен был усомниться по тону рассказчика в подлинности сюжета, а на вопросы нужно было отвечать уверенно и не задумываясь. Порет перемешивает в своих мемуарах такие рассказы с реальностью, и думается, что это был совершенно сознательный прием, предполагающий уничтожение границы между жизнью и вымыслом — так же, как она не отделяла жизнь Хармса от его фантазии. Но когда ее истории ложатся в основу научных концепций, осмысляющих отношение Хармса к различным сторонам человеческой деятельности (в частности, медицине), мы получаем столь же фантастические результаты.

Хармс следил за своим здоровьем не просто внимательно, но крайне мнительно. Особенно ярко это проявилось во время курской ссылки, когда длительно державшаяся субфебрильная температура породила в нем совершенно параноидальные предположения о диагнозах. Последовательно он «обнаруживает» у себя плеврит, грипп,

³¹ Ориентировочно в январе 1930 года Хармс фиксирует в записной книжке краткие сведения о повести и ее авторе: «„Приключения Алисы в стране чудес“ Льюиса Кэрролла (так! — А. К.). (Чарльз Доджсон род <ился в> 1832 году. Алиса вышла впервые в 1865 году). Перевод на русский А. Н. Рождественской. Изд. Т-ва М. О. Вольф» (ИРЛИ. Разр. I. Оп. 33. № 175. Л. 24). Здесь же имя Л. Кэрролла стоит седьмым в списке избранных Хармсом авторов (Там же. Л. 23 об.).

³² Порет А. И. Воспоминания о Данииле Хармсе. С. 357–358.

³³ «Скажите — балаган? Но и балаган — театр» (ОБЭРИУ // Афиши Дома печати. 1928. № 2. С. 19).

³⁴ Порет А. И. Воспоминания о Данииле Хармсе. С. 365.

аппендицит (!) и в итоге решает, что у него туберкулез. «Безошибочно определяю, что у меня чахотка, — записывает он. — Что же другое при такой температуре?» (ЗК № 22. Л. 22 об. Кн. 1. С. 416). Сильнейшее нервное напряжение усиливает симптоматику: температуре сопутствуют усталость, сердцебиение, потливость, покалывание в груди и в боках. Хармс начинает измерять температуру через каждые два-три часа и делает вывод: «Это даже не простая, а скоротечная чахотка» (ЗК № 23. Л. 20 об. Кн. 1. С. 431). Постоянный рефрен в записной книжке: «Беспокоюсь о своем здоровье».

Разумеется, в Курске врачи были менее знающими, чем в Ленинграде (это и имел в виду Хармс, когда записывал, что «в Курске чахотка — это очень тяжело»; ЗК № 23. Л. 20. Кн. 1). Но он вовсе не презирал «официальную медицину», как это можно было бы понять из мемуаров Порет и некоторых современных работ.³⁵ Хармс начинает посещать курских терапевтов и фтизиатров из местного туберкулезного диспансера, в его записной книжке конца августа — начала сентября 1932 года упомянуты Кац³⁶ (знакомый художника Б. Эрбштейна, отбывавшего ссылку в Курске вместе с Хармсом), невролог Чеканов, терапевт Шеболдаева из амбулатории, терапевт Козлова из платной поликлиники.

Однако анализы и рентгеновские снимки туберкулеза не подтвердили, Хармс был болен плевритом. К тому же оказалось, что и термометр, которым Хармс пользовался ежедневно, испорчен.³⁷ Окончательный диагноз подтвердил доктор И. Б. Шейндельс (Шендельс), директор курского туберкулезного диспансера, который стал для Хармса не только врачом, но и собеседником.³⁸

Следует отметить также, что Хармс практически всегда обращался за помощью к традиционным врачам-аллопатам. Он интересовался тибетской медициной и общался в середине 1930-х годов с ламами ленинградского дацана, а однажды, видимо, пытался попробовать и гомеопатию (в его записной книжке мы находим домашний адрес Владимира Ивановича Кудрявцева, председателя правления ленинградского общества врачей-гомеопатов (ЗК № 24. Л. 17. Кн. 1. С. 446), по которому он принимал пациентов) — однако не по своей инициативе, а по совету К. Малевича.³⁹

Можно ли представить себе, что при таком трепетном отношении к своему здоровью Хармс позволил бы лечить себя кому попало?

21 сентября 1933 года Хармс пишет своей тетке Н. И. Колюбакиной: «Я показывал ногу д-ру Шапо. Он пробормотал несколько латинских фраз, но, судя по тому, что велел мне пить дрожжи, согласен с твоим мнением. Кстати дрожжей нигде нет».⁴⁰ До-

³⁵ См., например: *Кравчук И. А.* Диагностическая скорлупа. С. 73–74; *Шубинский В. И.* Жизнь человека на ветру. С. 299, и др.

³⁶ Возможно — Кац Вениамин Аронович (1873–?), курский врач.

³⁷ Ср. пересказ разговора с Хармсом после его возвращения из Курска в дневнике К. И. Чуковского: «В Курске Хармс ничего не писал, там сильно он хворал. — Чем же вы хворали? — „Лихорадкой. Ночью, когда, бывало, ни суну себе градусник, у меня все 37,3. Я весь потом обливаюсь, не сплю. Потом оказалось, что градусник у меня испорченный, а здоровье было в порядке. Но оказалось это через месяц, а за то время я весь истомился“» (*Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2006. Т. 12. Дневник (1922–1935) / Сост., подг. текста и комм. Е. Чуковской. С. 495–496).

³⁸ Теперь мы имеем возможность уточнить даты жизни И. Б. Шейндельса (Шендельса): по свидетельству А. Г. Кепова, заместителя городского головы Курска во время оккупации, врач был расстрелян в конце января 1942 года (а не в 1941-м, как считалось ранее) вместе со 125 другими оставшимися в городе евреями (*Кепов А. Г.* Курск в период оккупации 1941–1943 г. // *Курские мемуары.* 2002. № 2. С. 39). Рассказ его дочери с чужих слов о том, что Шейндельса расстреляли не из-за происхождения, а за то, что он набросился на немецких офицеров, занявших туберкулезный санаторий и выкинувших оттуда больных (*Шендельс Е. И.* Гибель моего отца // *Неизвестная черная книга. Материалы к «черной книге» под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга* / Сост. И. Альтман. М., 2015. С. 232), надо признать частично мифом: немцы патологически боялись разных инфекций, и невозможно представить, чтобы немецкие офицеры разместились в здании туберкулезного санатория. Однако то, что Шейндельс не покинул Курск перед занятием его немцами и не бросил своих больных, безусловно, соответствует действительности.

³⁹ Запись сделана через несколько месяцев после возвращения из Курска.

⁴⁰ *Хармс Д. И.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 2001. Т. 4. Неизданный Хармс. Трактаты и статьи. Письма. Дополнения к т. 1–3 / Сост., прим. В. Н. Сажина. С. 56. Из следующего письма

статочны небольших знаний в области медицины, чтобы сделать вывод: Хармс в сентябре 1933 года страдал фурункулезом, локализованным на ноге (в письме тетке от 24 сентября Хармс называет фурункулы «волдырями»). Пивные дрожжи рекомендуются при угревой сыпи и фурункулезе и даже при дерматозах и псориазе, о чем, очевидно, знала Колюбакина. Судя по всему, Шапот произнес как раз *'furunculosis'* (фурункулы) и *'Faex medicinalis'* — т. е. именно пивные дрожжи. Диагноз был поставлен верный, и лечение назначено правильное.

Но еще раньше — 25 апреля 1933 года — Хармс заболел значительно серьезнее. На следующий день к нему приехала тетка (она часто приезжала помогать племяннику в трудные дни), а в дневнике Хармс помещает вот такой «реестрик»:

«25 апреля выступал с Олейниковым, Шварцем и Заболоцким в клубе строителей, получил 50 руб., вечером был у Михайлова и заболел.

26 апреля приехала Наташа.

Меня лечит д-р Шапо.

2 мая был д-р Бичунский и определил паратиф.

4 мая Шапо обнаружил на теле розеолы.

6 мая. Сегодня у меня были: Боба Левин, Шапо, Елизавета Петровна Пец с таксами, д-р. Фридланд и Маршак. Читаю „Две Дианы“ Дюма.

7 мая был у меня с утра Саша Разумовский. Потом был Шапо. Вечером были Гага Кацман, Гриц и Фиалка. Пили белое кислое вино.

8 мая утром пришел Боба, потом Михайлов, потом Шапо, потом Липавский. Звонили Пугачева и Верховская. Пью вино Салхино. Лиза уехала на дачу» (Дневник. Кн. 2. С. 177).

Как видим, «реестрик» опровергает фантазии Порет о том, как Шапот поселялся в квартире пациента на время лечения. Как и другие гости, он приходит днем и уходит вечером. При этом, как полагается лечащему врачу, навещает больного каждый день. Запись «Меня лечит д-р Шапо» однозначно указывает на то, что Хармс относился к нему не как к полусумасшедшему «естественному мыслителю», а как к носителю вполне ортодоксальных медицинских знаний (пусть и с фармацевтическим уклоном, чего Хармс не знать не мог).

Как уже выше указывалось, даже следов упоминаемых Порет розыгрышей мы не находим — ни в записных книжках Хармса, ни в других мемуарах. Более того, простое изучение хармсовских дневников и записных книжек показывает, что до 1933 года, т. е. до возвращения из курской ссылки, имени «доктора Шапо» в них нет. Он не включен ни в список «мудрецов», который Хармс составил в последних числах декабря 1929 года (ЗК № 17. Л. 50. Т. 1. С. 319), ни в цитированный выше план «Вечера естественных мыслителей», датируемый мартом 1930 года. Впервые его имя возникает в упомянутом «реестрике» конца апреля — начала мая 1933-го — и еще несколько раз позже.⁴¹ Таким образом, если Хармс и был знаком с ним до ссылки, то это знакомство было достаточно поверхностным.

Но как легко увидеть из дневников Хармса, в марте 1933 года происходит его объяснение с Порет, которая сообщает ему о том, что «любит Петра Павловича (Снопкова. — А. К.)». Вскоре (видимо, в апреле) происходит их свадьба, о чем Хармс уже не знал, поскольку еще весной, получив от нее все, «что требует от женщины мужчина», немедленно к ней охладел. «Я буквально удрал, объяснив ей, что ухажу, ибо она любит Петра Павловича, — описывает Хармс эти события в сентябре 1933 года. — Недавно я узнал, что Алиса вышла замуж за Петра Павловича. О, как я был рад!» (Дневник. Кн. 2. С. 218).

Становится понятно, что Порет могла видеть «доктора Шапо» только два-три месяца — в конце 1932-го — начале 1933 года. Что же касается ее «воспоминаний» о том, как Хармс после ее замужества продолжал бывать у них в гостях, очень подружился

Хармса от 24 сентября мы узнаем, что Колюбакина прислала племяннику большое количество пивных дрожжей в таблетках (о существовании такой формы он не знал) (Там же. С. 56).

⁴¹ См., например, упоминание Шапота как «скучного рассказчика» в начале января 1934 года (ЗК № 29. Л. 22. Кн. 2. С. 84).

со Снопковым, а потом, после лета (в сентябре 1933 года?), требовал от нее немедленно развестись,⁴² — все они представляются совершенно фантастическими.

Диагноз Хармсу весной 1933 года поставил не Шапот. Кто-то (скорее всего, тет-ка), видимо, решил подстраховаться и пригласить настоящего врача. Надо сказать, что в 1990 году, когда автором статьи вместе с А. Б. Устиновым к печати готовились значительные фрагменты из дневников и записных книжек Хармса, еще не было возможности получить об этом враче необходимые материалы, отсюда и комментарий, который впоследствии стал переходить из одного издания в другое: «Иосиф Миронович Бичунский — участковый врач».⁴³

И. М. Бичунский участковым врачом не был. Он был очень заметной и известной фигурой в ленинградской медицине, а также — в качестве лечащего врача — в научных и литературных кругах.

Иосиф Меерович (Миронович) Бичунский родился в 1869 году в г. Свенцьяны (Швенченисе) Виленской губернии. Затем с родителями переехал в Ригу. В 1888 году удостоен аттестата и золотой медали рижской Александровской мужской гимназии.⁴⁴

В том же 1888 году Бичунский поступил на медицинский факультет Дерптского университета и закончил его в 1894 году — уже как Юрьевский.⁴⁵

Во время Первой мировой войны служил в 5-м Заамурском пограничном конном полку, который с начала 1915 года был переброшен на Юго-Западный фронт. В марте 1916 года ранен в ходе сражений в Галиции.⁴⁶

В 1916 году в «Российском медицинском списке» Бичунский указан как внештатный научный сотрудник, ассистент Клинического института великой княгини Елизаветы Павловны; сообщалось, что он специализируется по внутренним болезням и имеет чин надворного советника.⁴⁷ Интересно, что чуть ранее, во время своей работы в Клиническом институте, Бичунский оказался упомянут в одном из антисемитских писаний В. В. Розанова, сочиненных по результатам процесса Бейлиса: «Очень это чистосердечно и глубокомысленно: два полноправных гражданина, Никифор и Алексей, отворяющие двери публике в клиническом институте Елены Павловны, сострадают профессорам „неполноценной“ нации:

Якобсону — по гинекологии,
Блюменау — по нервным болезням,
Явейну (женат на еврейке, — и ассистент),
Бичунский — еврей,
Гранстрем — немец,
и директору

Долганову — хотя крещеному и якобы русскому, но происходящему от евреев. <...>

Явейн и Якобсон вынимают из жилетного кармана по пятиалтынному и дарят полноправным Никифору и Алексею „на чай“, а Горнфельд тоже пошел было в кар-

⁴² Порет А. И. Воспоминания о Данииле Хармсе. С. 368.

⁴³ Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1991. Вып. 11. С. 568; Хармс Д. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 323; Чуковский К. И. Собр. соч. Т. 12. С. 609, и т. д.

⁴⁴ Двадцатипятилетие Рижской Александровской гимназии: Исторический очерк состояния гимназии с 1868 по 1893 г. Рига, 1893. С. 11. Фамилия ошибочно указана как «Вичунский». См. также: *Предигер Б. И.* Книжные люди: Евреи в системе образования Российской империи в XIX — начале XX века. М., 2018. С. 133.

⁴⁵ См.: Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis, Jurievensis) Inhaltsverzeichnis 1893–1944. Указатель содержания Ученых записок Тартуского (Дерптского, Юрьевского) университета 1893–1944. Tartu, 1993. С. 129. Там же, на с. 106–107, упоминается, что студент И. М. Бичунский под руководством профессора Степана Михайловича Васильева написал реферат «К распознаванию аневризма грудной аорты», который был напечатан в газете «Медицина».

⁴⁶ Российский государственный военно-исторический архив. Карточка бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Ящик 273Б.

⁴⁷ Российский медицинский список, изданный Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1916 год. Списки врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек по сведениям на 1 мая 1916 г. Пг., 1916. С. 39.

ман, но, высунув пустую руку, „пообещал“ Кондурушкину касательно его статьи, которую если подправить и отбросить конец — то она может „пойти“.

Все три были очень счастливы, Алексей, Никифор и Кондурушкин. Блюменау, Якобсон и Бичунский были не так раздражены, видя, что в России их не все не понимают, например „наш известный народный писатель Кондурушкин“.⁴⁸

После революции Бичунский работает на терапевтической кафедре в Клиническом институте усовершенствования врачей,⁴⁹ специализируется, большей частью, в гастроэнтерологии, а в 1927 году издает монографию о болезнях желудка.⁵⁰

Именно в 1920-е годы Бичунский начинает практиковать как частный врач для научной и творческой интеллигенции (разумеется, это все лежало за рамками тогдашнего закона, так как, как правило, предполагало оплату визита наличными). Заметим, что в Ленинграде Бичунский жил совсем недалеко от Хармса — на ул. Жуковского (д. 4, кв. 37) — в доме для научных работников.

В июне 1927 года Бичунский лечит Муру, дочь К. И. Чуковского, позже скончавшуюся от костного туберкулеза (тогда еще симптомов этой смертельной болезни у нее не было): «Мура больна уже 10 дней, — замечает в дневнике писатель 14 июня. — Аппендицит. 8 дней продолжался первый припадок, и вот два дня назад начался новый — почему, неизвестно. Вчера были доктора: Бичунский и Буш. Приказали ничего не давать есть — и лед». На следующий день: «С Мурой ужасно. Температура 39... 10-й день не ест. Самочувствие хуже. Измучена до последних пределов. Бредит: „гони докторов“. Особенно ей надоел Бичунский (которому М<ария> Б<орисовна> не знаю почему давала по 10 р. за визит)». Но 27 июня Чуковский делает запись: «Мура здорова».⁵¹

Известный историк, академик АН СССР Николай Михайлович Дружинин 20 июля 1936 года записывает в дневник: «Боли. Лежал дома. Читал Некрасова. Температура нормальная. Был на приеме у проф. Бичунского — мало нового».⁵²

В 1940 году, перед самой войной, Бичунский успешно лечил Ольгу Александровну Гутан (1900–1990), которая в 1939 году закончила ЛИФЛИ, поступила в аспирантуру и стала ученицей О. М. Фрейденберг. Весной 1940 года Гутан серьезно заболела язвой желудка. Вот как об этом рассказывает Фрейденберг в письме к С. В. Поляковой от 23 апреля: «Врач, лечащий Гутан, сказал мне, что ее положение очень серьезное, угрожающее прободением, и тогда крыша, как говаривал Юлиус. Я только что удручилась, как Бичунский велел ей встать и бродить, — а ей запрещено было пошевеливаться! В общем, ей погано: ребенок, очереди, дряхлая нянька. Муж взял отпуск и неотлучно при ней. От худобы у нее опустились органы. Но если прободения не произошло, Бичунский прав, и тогда она поправится».⁵³ Врач оказался прав — пациентка выздоровела и прожила еще полвека.

⁴⁸ Розанов В. В. Собр. соч.: [В 30 т.] / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1998. Т. 9. Сахарна. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. С. 236–237 (запись от 23 декабря 1913 года).

⁴⁹ В 1930-е годы, после выхода на пенсию, Бичунский подрабатывает консультациями в различных медицинских учреждениях, в том числе физио-диетического санатории НКВД в Пушкине, в поликлинике того же ведомства, а также в больнице им. Я. М. Свердлова и в Максимилиановской больнице (ЦГА СПб. Ф. Р-327. Оп. 3. № 391. Л. 54–54 об.).

⁵⁰ Бичунский И. М. Болезни желудка. Общая часть. Л., 1927.

⁵¹ Чуковский К. И. Собр. соч. Т. 12. С. 309–311. Мария Борисовна — жена Чуковского.

⁵² Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы литературы. 1997. № 3. С. 115. Дружинин несколько торопится, именую Бичунского профессором. Ученую степень доктора медицинских наук (без защиты диссертации) и звание профессора он получит только в 1939 году (ЦГА СПб. Ф. Р-3007. Оп. 4. № 145. Л. 11–12). Интересно, что председателем комиссии, которая была создана в Государственном институте для усовершенствования врачей им. С. М. Кирова (ГИДУВ) с целью установления соответствия опубликованных научных работ Бичунского искомым степени и званию, стал тот самый И. Г. Фридлянд, которого Харме упоминает среди своих гостей в 1933 году.

⁵³ Ольга Михайловна Фрейденберг. Письма 1911–1940 гг. / Публ. и комм. Н. В. Брагинской и Н. Ю. Костенко // Философские письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2. № 4. С. 332.

Говоря о Бичунском, невозможно обойти судьбу его дочери Анны Иосифовны (1898–1981). Она родилась в Петербурге, окончила в 1914 году восьмиклассную женскую гимназию Анненшуле. После этого училась в Париже, в Сорбонне, на факультете Belles-Lettres, где сдала экзамен на степень бакалавра. В 1917 году, вернувшись из Франции, поступила на романо-германское отделение филологического факультета Высших женских курсов, где за год сдала ряд зачетов, включая латинский язык. В 1918 году ушла с курсов и поступила в Российский институт истории искусств, где в течение четырех лет занималась в семинариях по венецианскому искусству, искусству Возрождения и барокко в Италии, искусству Средних веков и теории искусства. В 1922 году она закончила институт и представила конкурсную работу «Итальянский фонтан позднего Возрождения и барокко», которая получила высокую оценку рецензентов. Сразу же по окончании института она стала его научным сотрудником (впрочем, без денежного содержания, как тогда работали очень многие).⁵⁴

А в 1923 году она вышла замуж за своего научного руководителя, директора института графа В. П. Зубова⁵⁵ и через два года уехала с ним за границу, где приняла графский титул.⁵⁶

⁵⁴ «Согласно постановлению Президиум<а> Российск<ого> институт<а> истории искусств от 18 августа с<его> (1922-го. — А. К.) г<ода> гражданка А. И. Бичунская назначена научным сотрудником 2-ой кат<егории> по разряду истории изобразительных искусств с 1 июля с. г. Сообщая об этом, Институт просит выдать гражданке А. И. Бичунской листок исполнения» (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-82. Оп. 1. № 121. Л. 31).

⁵⁵ О Нюте — Анне Бичунской (или Бичуньска, как стала писаться ее фамилия после эмиграции) и о ее отце вспоминает в своих мемуарах И. Наппельбаум, которая вместе с ней училась в Зубовском институте: «Одной из наиболее интересных фигур среди учащихся Зубовского института того времени была Анна Бичунская. Интересная молодая женщина, дочь врача, известного в Петербурге; владела языками, обучалась в Швейцарии, в Лозанне (ошибка памяти мемуаристки. — А. К.). Она и ее приятельница Женя Харинова были центром того самого общества, которое дружески общалось с самим Тоничем (В. П. Зубовым. — А. К.) и несколькими преподавателями Института.

В один из новогодних вечеров для встречи праздника в дом к Зубову были приглашены две дамы, именно Нюта и Женя. Позже они сами рассказывали о происшедшем. <...> После ужина с еще сохранившимися в погребе старым вином, дамам было предложено тащить билеты: кто кого из кавалеров вытасчит. Женя вытасила профессора Мирона Жирмунского, а Нюта — Тонича.

Все это можно было бы принять как скабрешную деталь военного времени, если б не то обстоятельство, что эти пары остались вместе на всю жизнь. <...>

После этих дней Нюта не стала скрывать своих отношений с Тоничем. И он стал посещать ее дом, что волновало отца и мачеху (вторая жена Бичунского Анна Моисеевна. — А. К.), но совершенно не волновало влюбленных.

Затем произошло событие, которое изменило ситуацию: Зубова арестовали. Этот период жизни он описал в своей книге, тяжкий удел достался ему. Нюта носила ему передачи, бегала к прокурору, простаивала в очередях канцелярий.

Однажды я встретила ее на Литейном. Она шла улыбающаяся, счастливая, раскрасневшаяся. В чем дело? „Тонич только что сделал мне предложение. Мы поженимся!“ — „Как сделал предложение, каким образом?“ — „Вот“.

У нее в руках какой-то французский роман, — „Посмотри“. Оказывается, эту книгу она послала Тоничу в тюрьму для чтения. Он ее возвратил и в ней она обнаружила подчеркнутые ногтем буквы которые излагали ей официальное брачное предложение. (О, времена были романтические!)

Через некоторое время Зубова выпустили на свободу. Готовилась свадьба. В большом белом зале множество народу. Длинные столы, накрытые по-графски. Ждали их приезда из ЗАГСа. Все стоя их приветствовали и подыали за них бокалы. Нюта была нарядная, с цветком в волосах, но ни фаты, ни белого платья. Тонич — в костюме. (Для свадьбы было продано много больших портьер.) Я видела, как волновался отец Нюты» (*Наппельбаум И.* Угол отражения. Краткие встречи долгой жизни. СПб., 1995. С. 55–56).

⁵⁶ Еще до отъезда, в 1921–1923 годах, будучи сначала студенткой, а потом — научным сотрудником, она помогала Зубову выполнять большую работу по составлению каталога Павловского дворца-музея и восстановлению исторической развески картин, завершалась работа уже после их свадьбы (*Гузанов А. Н.* Павловский дворец. Из истории музея в 1920-е годы // Памятник архитектуры — от дворца к музею: Сб. статей по материалам научно-практич. конф. ГМЗ

В августе 1941 года Бичунский со своей второй женой находился в эвакуации в г. Чкалове (Оренбурге). После войны они вернулись в квартиру на ул. Жуковского. Скончался Бичунский в 1964 году и похоронен на Еврейском кладбище в Ленинграде. Ранее там же была похоронена его жена А. М. Бичунская (1878–1958).

Вернемся к дневнику Хармса. Бичунский определил у него паратиф. Паратифы (а, b и c) — это группа кишечных инфекций, вызываемых сальмонеллой, по своему течению напоминающие брюшной тиф, но протекающие в более легкой форме. Розеолы (точнее — розеола) — это вид высыпаний, пятна бледно-розового или красного цвета, обычно не превышающие 5 мм в диаметре, характерные для паратифов. Таким образом, явившийся на следующий день после Бичунского «доктор Шапо» диагноз ученого коллеги подтвердил, найдя соответствующие симптомы. Безусловно, он знал, что искать.

Вот почему представляется крайне важным разделить игровые сюжеты и фантазии Хармса от реальной жизни и реальных врачей, которые навещали Хармса, лечили его и даже становились его «соавторами» по записным книжкам.

Надо сказать, что Хармс нечасто показывал содержание своих записных книжек и блокнотов кому бы то ни было, а уж делать в них записи позволял только своей первой жене Э. А. Русаковой и некоторым друзьям.⁵⁷ Но, как минимум, однажды, в 1940 году, он делится с Шапотом своими творческими замыслами (пусть и совершенно коммерческого характера), да еще позволяет ему записывать рядом со своими набросками пародийные варианты. Речь идет о двух попытках Хармса писать рекламные тексты для Ленскупторга (Ленинградского городского треста скупочно-комиссионной торговли), которые явно заставляют вспомнить «Нигде кроме, как в Моссельпроме» В. В. Маяковского и др. Заимствуя эстетику лубка и переводя ее на язык стихотворной рекламы, Хармс изображает магазины Ленскупторга более богатыми, чем Эрмитаж, рассказывает, как люди бегут в них толпами, вокруг — восторг и ликование, и даже маленькие дети счастливы при виде этого доступного всем богатства:

Этот грохот от восторга,
Потому что там и тут
В магазины Ленскупторга
Люди толпами бегут.
Широко раскинул сети
Магазинов Ленскупторг,
Потому-то в целом свете
Ликование и восторг.
Даже маленькие дети
Восклицают: «Ленскупторг!»⁵⁸

Имеющиеся датировки этого текста — 1936 при первой публикации⁵⁹ и 1935–1936⁶⁰ — следует признать неверными, поскольку Ленскупторг был создан по постановлению Совета народных комиссаров РСФСР от 13 октября 1938 года № 343, следовательно, и стихотворение должно датироваться ориентировочно концом 1938 года. В это время у Хармса еще продолжают серьезные финансовые проблемы, вызванные появлением в третьем номере журнала «Чиж» за 1937 год его стихотворения «Из дома вышел человек...», после которого поэта перестали печатать, лишив фактически средств к существованию. Правда, ситуация несколько улучшилась по сравнению

«Петергоф». СПб., 2013. С. 254–255 (Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. [Вып.] III).

⁵⁷ См., например, записи, сделанные в записных книжках Хармса С. А. Полоцким (ЗК № 3. Л. 17. Кн. 1. С. 31) и др.

⁵⁸ Хармс Д. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 198–199.

⁵⁹ Александров А. Стихотворения Даниила Хармса // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 203.

⁶⁰ Хармс Д. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 199.

с весной 1938 года, когда одной из главных тем его записей был голод, однако Хармс по-прежнему пытался найти любые способы литературного заработка. Видимо, открытие Ленскупторга и его потребность в рекламе и вызвали к жизни эти стихи.

Нам неизвестен факт использования этих стихов — скорее всего, заработать таким способом Хармсу не удалось. Однако в конце 1939-го — начале 1940 года он возвращается к теме рекламы Ленскупторга. Теперь это краткие (от 2 до 6 строк) миниатюры, записанные в тетрадь наряду с черновиками детского стихотворения «По реке плывет кораблик...», что заставляет думать о том, что Хармс делал заготовки для будущих рекламных текстов (возможно, в своем любимом детском жанре подписей к картинкам):

Искал по свету, но в восторг
 Меня привел лишь Ленскупторг.⁶¹

Но среди шести хармсовских набросков есть и двустилишие, созданное «доктором Шапо» и подписанное им:

Я старый брак расторг.
 Все вещи в Ленскупторг.⁶²

Пародийно-ироничный тон этого текста относится не только к хармсовской рекламе (хотя уже сам по себе говорит о многом: Шапот был посвящен в планы писателя и, видимо, был свидетелем мук творчества, связанных с прославлением Ленскупторга). Судя по всему, «доктор Шапо» намекает и на уже практически разрушенный к 1940 году брак Хармса с М. В. Малич. Об этом времени она сама вспоминала так: «У нас уже были такие отношения, что когда я, например, возвращалась с работы, я не сразу входила, — я приходила и стучалась в дверь. Я просто знала, что у него там кто-то есть, и чтобы не устраивать скандал, раньше чем войти стучала.

Он отвечал:

— Подожди минут десять...

Или:

— Приди минут через пятнадцать.

Я говорила:

— Хорошо, я пойду что-нибудь куплю...

У меня уже не было ни сильного чувства, ни даже жалости к себе».⁶³

Стоит также указать, что в 1940 году Шапоту было уже почти 70 лет. Тем не менее их отношения с Хармсом можно назвать вполне искренней дружбой, предполагающей допуск в такую интимную для Хармса сферу, как творчество (пусть даже с явным коммерческим оттенком). Это значило, что провизор был не только его «домашним врачом» и партнером по выдумкам и розыгрышам, но и другом, несмотря на всю его чудачковатость.

Точно так же Хармс относился и к доктору Шейндельсу из Курска, отношения с которым начались с чисто медицинских вопросов, а затем переросли в дружбу. Переломным моментом, судя по всему, стал эпизод с оброненным во время осмотра крестиком, который был Шейндельсом потом найден и возвращен с запиской, не оставляющей сомнений в том, что врач был в вопросах веры единомышленником Хармса. Крестик превратился в тайный знак, благодаря которому один христианин узнал другого вопреки гонениям языческой власти. Как известно, в архиве Хармса сохранился черновик письма Шейндельсу, написанного по возвращении из ссылки, — предельно искреннее и откровенное, содержащее размышления о природе творчества, о Гете, о немецком духе (конец 1932-го — 1933 год — это время особого увлечения Хармса Гете и немецкой культурой). Мы не знаем, было ли послано это письмо, но из него совер-

⁶¹ Там же. С. 201.

⁶² Там же.

⁶³ Глоцер В. И. Марина Дурново. Мой муж Даниил Хармс. М., 2001. С. 92.

шенно явственно следует, что доктор Шейндельс был для Хармса праведником, ради которого он «не может насладиться поношением Курска».⁶⁴ И разумеется, знаковым моментом является обращение в письме «Дорогой Доктор» — с прописной буквы,⁶⁵ т. е. «доктор» в значении врач и одновременно — обладатель некоего высшего знания, как «доктор Фауст».

Итак, наши комментаторские разыскания, помимо общего расширения представлений об окружении Хармса, позволяют сделать также вывод о том, что в его сознании существовали три сферы, связанные с врачами и медициной. Первая касалась реальной жизни, в которой он был мнительным неврастеником, беспокоящимся о своем здоровье и постоянно обращающимся за помощью к врачам из больниц, поликлиник, диспансеров и т. д. Вторая — это сфера розыгрышей и остроумных выдумок, в которую Хармс включает совершенно балаганные сюжеты, высмеивающие напыщенных и уверенных в себе «докторов», над которыми, в отличие от реальных врачей, он глумился и издевался — но только в своих фантазиях. И наконец, сфера третья — это зловещие врачи в его текстах, появляющиеся, очевидно, во многом под влиянием литературного и кинематографического экспрессионизма.⁶⁶ Вопреки расхожим представлениям, эти сферы почти не пересекались, искрящееся жизнетворчество Хармса останавливалось, как только он сталкивался с более или менее серьезными проблемами со здоровьем. Вместо шутника, артистичного фантазера, фокусника, всегда становившегося центром любой компании, на страницах его записных книжек и дневников возникал мнительный, неуверенный в себе человек, очень боящийся болезни и смерти и искавший в самых обычных врачах лишь надежду на выздоровление.

⁶⁴ См. об этом: *Кобринский А. А.* Даниил Хармс: письмо курскому Фаусту // *Европа в России: Сб. статей. М.; Хельсинки, 2010. С. 389–399; Кукулин И. В.* Высокий дилетантизм в поисках ориентира: Хармс и Гете // *Русская литература. 2005. № 4. С. 66–83.*

⁶⁵ *Хармс Д. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 91.

⁶⁶ Здесь следует упомянуть прежде всего доктора Вассори из романа Г. Майринка «Голем», который запугивал пациентов грозящей им слепотой из-за катаракты, которой у них на самом деле не было, и проводил дорогостоящие операции, калеча им здоровые глаза. А также — доктора Калигари из фильма Р. Вине «Кабинет доктора Калигари». Ср. также докторов в рассказах Хармса «Всестороннее исследование» (1937) и «На кровати метался полупрозрачный юноша...» (1940).

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-239-251

© Н. В. Перцов, © Е. Д. Сорокина, © Л. И. Эрлих

О ПРОЕКТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ ПО РУКОПИСЯМ А. С. ПУШКИНА

Принято считать, что подавляющее большинство рукописей Пушкина было адекватно прочитано еще при подготовке Большого академического собрания его сочинений.¹ Конечно, отдельные непрочтенные места еще остались. Но стоит ли создавать информационно-поисковую систему по всем рукописям Пушкина — как надежно прочтенным, так и содержащим неразобранные фрагменты? Чем такая система может быть полезна? В настоящей статье мы попытаемся дать ответы на заданные вопросы.²

Мы будем говорить о представлении рукописей Пушкина в удобном, обозримом и легко доступном виде — с помощью современных компьютерных технологий и средств визуализации — и о том, как такие технологии и средства облегчают исследования

¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937–1959.

² Мы выражаем глубокую благодарность И. С. Сидорову и И. Б. Иткину за внимание к нашей работе и ценные замечания. (Отметим, что первый абзац статьи написан И. С. Сидоровым.)

4. *Cobeta Gutiérrez B.* La recepción de la obra de Vicente Blasco Ibáñez en Estados Unidos (1900–1928). Madrid, 2018.
5. *Keiler Kh.* Krasnyi sad. Russkaia kavaleriia // *Kazan'*. 2009. № 11.
6. *Nechaev S. Iu.* Russkaia Nitstva. M., 2010.
7. Neopublikovannye pis'ma Blasko Iban'esa russkim perevodchikam / Publ. Z. I. Plavskina // *Voprosy literatury*. 1958. № 2.

Александр Аркадьевич Кобринский

юрист Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
ведущий научный сотрудник Петербургского института иудаики

Aleksandr Arkad'evich Kobrinskiy

Lawyer, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences; Leading Researcher,
St. Petersburg Institute of Jewish Studies

ORCID: 0000-0001-6980-4232

444-44-4@list.ru

ВРАЧИ В ОКРУЖЕНИИ ДАНИИЛА ХАРМСА: ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ЕГО ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ

DOCTORS IN DANIIL KHARMS'S INNER CIRCLE: COMMENTS TO HIS NOTEBOOKS

В статье приводятся и комментируются новые архивные материалы, относящиеся к личностям врачей, входивших в круг общения Хармса. Эти материалы, в частности, позволяют верифицировать расхожие мемуары А. Порет и признать фантастическими те из них, которые касаются изображения М. А. Шапота (доктора Шапо) как человека невежественного и полусумасшедшего. Вводимая впервые в научный обиход информация также опровергает концепции о неприязни Хармса к «официальной медицине», построенные на этих мемуарах, и дает возможность установить литературные модели, на которые ориентируются мемуаристы.

Ключевые слова: Д. Хармс, медицина, врач, мемуары, комментарии, доктор Шапо (М. А. Шапот), А. Порет, И. М. Бичунский, И. Г. Фридланд.

The article cites and explores the new archival data concerning the doctors from Kharms's inner circle. The data help to verify the popular memoirs of A. Poret and disclaim those of them that depict M. A. Chapot (Dr. Chapot) as a semi-insane ignoramus. The data that is introduced to the academic community negates the concept of Kharms's dislike for the «official medicine» prompted by the memoirs, and helps to establish the literary models that the memoirists used as their guidelines.

Key words: D. Kharms, medicine, doctor, memoirs, commentaries, Dr. M. A. Chapot, A. Poret, I. M. Bichunsky, I. G. Fridland.

Список литературы

1. *Александров А.* Стихотворения Даниила Хармса // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993.
2. *Богомолов Н. А.* Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999.
3. *Глоцер В. И.* Марина Дурново. Мой муж Даниил Хармс. М., 2001.
4. *Гузанов А. Н.* Павловский дворец. Из истории музея в 1920-е годы // Памятник архитектуры — от дворца к музею: Сб. статей по материалам научно-практич. конф. ГМЗ «Петергоф». СПб., 2013 (Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. [Вып.] III).
5. Даниил Хармс глазами современников. Воспоминания. Дневники. Письма / Под ред. А. Дмитренко и В. Сажина. СПб., 2019.
6. *Дневник Николая Михайловича Дружинина* // Вопросы литературы. 1997. № 3.

7. Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского // *Минувшее: Исторический альманах*. Paris, 1991. Вып. 11.
8. *Зименков А. П.* Проблемы комментирования имен в записной книжке Маяковского № 18 // *Новые российские гуманитарные исследования*. 2022. Т. 17. Материалы 5-й научно-практич. конф. «Поэтика и текстология записных книжек В. В. Маяковского» (ИМЛИ РАН, 12 апреля 2022 г.).
9. *Кепов А. Г.* Курск в период оккупации 1941–1943 г. // *Курские мемуары*. 2002. № 2.
10. *Кобринский А. А.* Даниил Хармс: письмо курскому Фаусту // *Европа в России: Сб. статей*. М.; Хельсинки, 2010.
11. *Кобринский А. А.* Комментируя Хармса // *Литературный факт*. 2021. № 1 (19).
12. *Кобринский А. А.* Мастер Петр: несколько штрихов к биографическим мифам Даниила Хармса // *Русская литература*. 2020. № 3.
13. *Кобринский А. А.* Маяковский и прочие. Круг контактов и общения Даниила Хармса во второй половине 1920-х годов // *Летняя школа по русской литературе*. 2020. Т. 16. № 1–2.
14. *Кобринский А. А.* Хармс — кинозритель. Из реального комментария к записным книжкам // *Летняя школа по русской литературе*. 2019. Т. 15. № 2–3.
15. *Кравчук И. А. Д. И. Хармс против И. И. Мечникова: об одной пародийной «теории питания»* // *Русская литература*. 2022. № 3.
16. *Кравчук И. А.* Диагностическая скорлупа: шарлатанство, магия и медицина в мировоззрении Д. И. Хармса // *Studia Religiosa Rossica*. 2023. № 1.
17. *Кукулин И. В.* Высокий дилетантизм в поисках ориентира: Хармс и Гете // *Русская литература*. 2005. № 4.
18. *Наппельбаум И.* Угол отражения. Краткие встречи долгой жизни. СПб., 1995.
19. Ольга Михайловна Фрейденберг. Письма 1911–1940 гг. / Публ. и комм. Н. В. Брагинской и Н. Ю. Костенко // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2019. Т. 2. № 4.
20. *Предигер Б. И.* Книжные люди: Евреи в системе образования Российской империи в XIX — начале XX века. М., 2018.
21. *Розанов В. В.* Собр. соч.: [В 30 т.] / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1998. Т. 9.
22. *Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // *Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. In Honor of Stefano Garzonio / Ed. by G. Carpi, L. Fleishman and B. Sulpasso. Stanford, 2012 (Stanford Slavic Studies. Vol. 40)*.
23. *Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // *Wiener Slawistisches Jahrbuch*. 2018. Vol. 6.
24. *Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // *Slavica Revalensia*. 2018. № 5.
25. *Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: *Г. Ягода* // *Литературный факт*. 2020. № 4 (18).
26. *Тименчик Р. Д.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. *Цех поэтов* // *Летняя школа по русской литературе*. 2022. Т. 18. № 2.
27. *Тименчик Р. Д.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: *Георгий Адамович* // *Летняя школа по русской литературе*. 2023. Т. 19. № 3–4.
28. *Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // *Русские поэты XX века: Материалы и исследования. Анна Ахматова (1889–1966)*. М., 2021.
29. *Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой: *к немецкой речи* // *Литературный факт*. 2021. № 3 (21).
30. *Хармс Д. И.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. / Сост. В. Сажина и Ж.-Ф. Жаккара; прим. В. Сажина. СПб., 2002.
31. *Хармс Д. И.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 2001. Т. 2, 4.
32. *Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2006. Т. 12. Дневник (1922–1935) / Сост., подг. текста и комм. Е. Чуковской.
33. *Шендельс Е. И.* Гибель моего отца // *Неизвестная черная книга. Материалы к «черной книге» под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга* / Сост. И. Альтман. М., 2015.
34. *Шубинский В. И.* Жизнь человека на ветру. СПб., 2008.
35. *Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis, Jurievensis) Inhaltsverzeichnis 1893–1944. Указатель содержания Ученых записок Тартуского (Дерптского, Юрьевского) университета 1893–1944.* Tartu, 1993.

References

1. *Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis, Jurievensis) Inhaltsverzeichnis 1893–1944. Ukazatel' soderzhaniia Uchenykh zapisok Tartuskogo (Derptskego, Iur'evskogo) universiteta 1893–1944.* Tartu, 1993.

2. *Aleksandrov A.* Stikhotvoreniia Daniila Kharmisa // *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1990 god.* SPb., 1993.
3. *Bogomolov N. A.* Russkaia literatura pervoi treti XX veka. Tomsk, 1999.
4. *Chukovskii K. I.* Sobr. soch.: V 15 t. M., 2006. T. 12. *Dnevnik (1922–1935)* / Sost., podg. teksta i komm. E. Chukovskoi.
5. Daniil Kharms glazami sovremennikov. Vospominaniia. Dnevnik. Pis'ma / Pod red. A. Dmitrenko i V. Sazhina. SPb., 2019.
6. *Dnevnik Nikolaia Mikhailovicha Druzhinina* // *Voprosy literatury.* 1997. № 3.
7. *Dnevnikovye zapisi Daniila Kharmisa* / Publ. A. Ustinova i A. Kobrinskogo // *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh.* Paris, 1991. Vyp. 11.
8. *Glotser V. I.* Marina Durnovo. Moi muzh Daniil Kharms. M., 2001.
9. *Guzanov A. N.* Pavlovskii dvorets. Iz istorii muzeia v 1920-e gody // *Pamiatnik arkhitektury — ot dvortsa k muzeiu: Sb. statei po materialam nauchno-praktich. konf. GMZ «Peterhof».* SPb., 2013 (*Problemy sokhraneniia kul'turnogo nasledii. XXI vek. [Vyp.] III*).
10. *Kepov A. G.* Kursk v period okkupatsii 1941–1943 g. // *Kurskie memuary.* 2002. № 2.
11. *Kharms D. I.* Poln. sobr. soch. Zapisnye knizhki. *Dnevnik: V 2 kn.* / Sost. V. Sazhina i Zh.-F. Zhakkara; prim. V. Sazhina. SPb., 2002.
12. *Kharms D. I.* Poln. sobr. soch.: V 4 t. SPb., 2001. T. 2, 4.
13. *Kobrinskii A. A.* Daniil Kharms: pis'mo kurskomu Faustu // *Evropa v Rossii: Sb. statei.* M.; Khel'sinki, 2010.
14. *Kobrinskii A. A.* Kharms — kinozritel'. Iz real'nogo kommentariia k zapisnym knizhkam // *Letniia shkola po russkoi literature.* 2019. T. 15. № 2–3.
15. *Kobrinskii A. A.* Kommentiruiia Kharmisa // *Literaturnyi fakt.* 2021. № 1 (19).
16. *Kobrinskii A. A.* Maiakovskii i prochie. Krug kontaktov i obscheniia Daniila Kharmisa vo vtoroi polovine 1920-kh godov // *Letniia shkola po russkoi literature.* 2020. T. 16. № 1–2.
17. *Kobrinskii A. A.* Master Petr: neskol'ko shtrikhov k biograficheskim mifam Daniila Kharmisa // *Russkaia literatura.* 2020. № 3.
18. *Kravchuk I. A. D. I.* Kharms protiv I. I. Mechnikova: ob odnoi paradiinoi «teorii pitaniia» // *Russkaia literatura.* 2022. № 3.
19. *Kravchuk I. A.* Diagnosticheskaia skorlupa: sharlatanstvo, magiia i meditsina v mirovozzrenii D. I. Kharmisa // *Studia Religiosa Rossica.* 2023. № 1.
20. *Kukulin I. V.* Vysokii diletantizm v poiskakh orientira: Kharms i Gete // *Russkaia literatura.* 2005. № 4.
21. *Nappel'baum I.* Ugol otrazheniia. Kratkie vstrechi dolgoi zhizni. SPb., 1995.
22. Ol'ga Mikhailovna Freidenberg. Pis'ma 1911–1940 gg. / Publ. i komm. N. V. Braginskoi i N. Iu. Kostenko // *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog.* 2019. T. 2. № 4.
23. *Prediger B. I.* Knizhnye liudi: Evrei v sisteme obrazovaniia Rossiiskoi imperii v XIX — nachale XX veka. M., 2018.
24. *Rozanov V. V.* Sobr. soch.: [V 30 t.] / Pod obshch. red. A. N. Nikoliukina. M., 1998. T. 9.
25. *Shendel's E. I.* Gibel' moego ottsa // *Neizvestnaia chernaia kniga. Materialy k «chernoii knige» pod redaktsiei Vasilii Grossmana i Il'i Erenburga* / Sost. I. Al'tman. M., 2015.
26. *Shubinskii V. I.* Zhizn' cheloveka na vetru. SPb., 2008.
27. *Timenchik R. D.* Iz Imennogo ukazatel'ia k «Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi // *Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. In Honor of Stefano Garzonio* / Ed. by G. Carpi, L. Fleishman and B. Sulpasso. Stanford, 2012 (*Stanford Slavic Studies. Vol. 40*).
28. *Timenchik R. D.* Iz Imennogo ukazatel'ia k «Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi // *Wiener Slawistisches Jahrbuch.* 2018. Vol. 6.
29. *Timenchik R. D.* Iz Imennogo ukazatel'ia k «Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi // *Slavica Revalensia.* 2018. № 5.
30. *Timenchik R. D.* Iz Imennogo ukazatel'ia k «Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi: *G. Iagoda* // *Literaturnyi fakt.* 2020. № 4 (18).
31. *Timenchik R. D.* Iz imennogo ukazatel'ia k «Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi. *Tsekh poetov* // *Letniia shkola po russkoi literature.* 2022. T. 18. № 2.
32. *Timenchik R. D.* Iz imennogo ukazatel'ia k «Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi: *Georgii Adamovich* // *Letniia shkola po russkoi literature.* 2023. T. 19. № 3–4.
33. *Timenchik R. D.* Iz Imennogo ukazatel'ia k «Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi // *Russkie poety XX veka: Materialy i issledovaniia. Anna Akhmatova (1889–1966).* M., 2021.
34. *Timenchik R. D.* Iz Imennogo ukazatel'ia k Zapisnym knizhkam Akhmatovoi: *k nemetskoii rechi* // *Literaturnyi fakt.* 2021. № 3 (21).
35. *Zimenkov A. P.* Problemy kommentirovaniia imen v zapisnoi knizhke Maiakovskogo № 18 // *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia.* 2022. T. 17. Materialy 5-i nauchno-praktich. konf. «Poetika i tekstologiiia zapisnykh knizhek V. V. Maiakovskogo» (IMLI RAN, 12 apreliia 2022 g.).